Красное знамя
Харьков
8 июня 1961

ДО СВИДАНИЯ, ДРУЗЬЯ!

Театральный май этого года особенно запомнится любителям искусства нашего города. В гостях у харьковчан побывал коллектив одного из ведущих театров столицы — Московский государственный ордена Трудового Красного Знамени драматический театр имени Моссовета.

Провожая дорогих гостей, благодарные харьковчане шлют им наилучшие пожелания.

Молодость таланта

Сценические таланты бывают разные. Есть среди них очень жизнерадостные. Комедийно щедрые. Со склонностью к острой характерности. И с той волнующей непосредственностью, которая составляет одно из очарований настоящего искусства.

Стоит заговорить советским зрителям о Любови Орловой, как на лицах собеседников начинает теплиться светлая улыбка.

— Помните ее Анюту из «Веселых ребят»? А эту озорную Дуню-Стрелку в «Волге-Волге»? А Таню из «Светлого пути»?

— Ну, если говорить о сценическом перевоплощении, то как не вспомнить «Весну». Ученая Никитина и певица Шатрова в одном и том же лице... Вот это да! Какова-то она окажется в «Лизии Мак-Кей»?

И вот — начальная сцена спектакля. Вагон поезда, мчащегося через просторы южного штата США. Среди пассажиров-негров появляется Лизаи Мак-Кей. Зрители узнают Любовь Орлову и встречают ее дружными рукоплесканиями. Кажется, время не властно над актрисой. Она все так же умеет создать ощущение непринужденности, от ее игры все так же веет непосредственностью, она все такая же живая, стремительная. А ведь в сценическом искусстве, как, впрочем, и во всяком ином, самое трудное — это легкость манеры.

Итак, мы знакомимся с Любовью Петровной в роли героини пьесы Жана-Поля Сартра — малой уличной, опустившейся на капиталистическое дно девчонки, какую у нас встарь называли «погибшим, но милым созданьем». На долю Лизаи выпало тяжелое испытание. Она становится жертвой лицемерия, прямого насилия, беззастенчивого шантажа и обмана. И она находит в себе силы противостоять домогательствам расистов, защитить молодого негра Сиднея от оголтелых линчевателей.

Актриса рисует свою героиню не одной какой-нибудь краской, а раскрывает сложность и противоречивость образа. У Лизаи Мак-Кей — кричащая развязность манер, крайняя вульгарность. Но она же и искренняя, человечная, непосредственная, смелая. Представляя «дно» капиталистического мира, Лизаи возвышается над «столпами» буржуазного общества, над респектабельными джентльменами, над с виду благопристойным, лицемерным, циничным сенатором Кларком, его напористым, беззастенчивым сыном Фредом, племянником Тедди из «золотой молодежи», шерифом Кейном, сыщиками-садистами Джоном и Джемсом.

Благодаря тонкой игре Л. Орловой образ Лизаи вырастает у нас на глазах; мы становимся свидетелями того, как трудно и мучительно пробуждается сознание у этой затравленной девчонки, как накопляется у нее возмущение против насильников и обманщиков. Актриса играет свою роль в плане психологической драмы, как она и написана у автора. Л. П. Орлова превосходно справляется с напряженностью конфликта, остротой сценических положений, в которых проявляется сложное переплетение противоречивых чувств Лизаи: ее растерянность и при всем том благородное и хорошее, что заложено в натуре искалеченной, несчастливой женщины и в конце концов одерживает победу в ее душе и поступках. Сквозь развязность манер озорной Лизаи пробивается тяжелая внутренняя борьба, чистота помыслов, неподкупность, проступает человеческое достоинство, чутье правды.

Любовь Орлова искусно лепит характер своей героини, передавая непосредственную свежесть жизни, представляя Лизаи очень реальной, земной, переключаясь в разные планы. Она, например, поначалу держится с вкрадчивым, хамелеонствующим сенатором как доверчивая, тронутая его словами девчонка, а вскоре, догадавшись об его истинных намерениях, переходит на воинствующий, резко протестующий тон. Привнося в свою игру бесчисленное множество сценических деталей, проявляя великолепное знание оттенков речи и живой пластики, добиваясь острого внешнего рисунка роли, Орлова несет правду чувств.

Да, время не властно над дарованием актрисы. И каждая новая роль оказывается новым чудом перевоплощения, истинного артистизма, умения воплотить в том «куске жизни», который дан драматургом, нечто реалистически правдивое, достоверное, зовущее к борьбе за высокие цели. И именно это делает нелегкий труд актрисы столь общественно ценным и значительным.

Б. ПОДОЛЬСКИЙ.

Выдающийся трагик

Каждый раз, когда мне выпадает радость встретиться с подлинным явлением большого искусства, у меня возникает потребность поделиться своими впечатлениями с друзьями и товарищами.

Вот и сейчас, после просмотра спектаклей театра имени Моссовета, гастролировавшего в Харькове, мне хотелось бы поговорить о двух работах одного из крупнейших трагиков советского и мирового театра, о мастере сцены Николае Мордвинове. Естественно, что в рамках небольшой газетной статьи мои впечатления будут изложены кратко и неполно.

Что есть суть образа на сцене? В чем его впечатляющая сила? Правда и глубина содержания роли и художественно эстетический уровень ее сценического воплощения! — таков единственный ответ. Как одно, так и другое зависит (я нарочно не говорю здесь о драматургии) от глубины содержательности и мастерства актера-художника, от его творческой личности. То содержание, которое актер принесет в роль (повторяю: помимо автора пьесы), и будет содержанием сценического образа.

В игре Николая Дмитриевича Мордвинова мы познаем художника-гражданина, склонного к большим философско-этическим обобщениям, умеющим раскрывать на сцене глубокие психологические проблемы своих образов, способного увлеченно отдавать себя порывам своей богатой души и щедрого сердца. Здесь техника и опыт только подспорье в творчестве, где актер и образ сливаются в единое целое. Эта цельность и вера в правду сценических событий и конфликтов увлекает и захватывает самого актера, и поэтому увлеченный актером зритель неослабно следит за каждым этапом развития роли, исполняемой Николаем Мордвиновым. В эти минуты зрительный зал живет со сценой одной жизнью.

Вот Мордвинов-Лир. Он несет величие человека эпохи Возрождения. Это богатый духом человек, стоящий на грани двух миров, добра и зла, света и тьмы. Лир-Мордвинов принадлежит к тем титаническим натурам, у которых поток мыслей, чувствований и страстей льется сильней, я бы сказал — катастрофичнее, чем у обыкновенных людей. Актер играет Лира крупно, но вместе с тем глубоко человечно. Этим самым Мордвинов вел нас в мир больших слов и чувств Шекспира.

Наблюдая Лира-Мордвинова, мы испытываем сперва чувство недоумения: в чем, собственно, величие Лира? Уж не в самовлюбленности ли? Не в самодурстве ли Нарцисса, пресыщенного властью и наслаждающегося культом окружающих его особу придворных? Мы чувствуем скорее антипатию к Лиру — коронованному деспоту, распоряжающемуся по прихоти, по капризу судьбой людей и государства. Мы не можем понять (вернее, принять) слепоты Лира-Мордвинова, который не замечает грубую лесть и лицемерие в речах своих старших дочерей и не видит, не тронут, не воодушевлен скромной нежностью младшей дочери Корделии, которую трогательно играет в спектакле артистка Ковенская. Ведь так можно поступить только ослепленный безнравственностью честолюбец, холодный и надорвавшийся эгоист. Таким нашему взору является в начале трагедии Мордвинов-Лир. Но по мере развития трагедии, ее событий, мы проникаемся симпатией к Лиру, на которого обрушивается гора унижений, разочарований и несчастий — и на короля и на отца своих дочерей. Лир-Мордвинов получает предметный урок того царства зла, которое он долго создавал своими руками на троне.

Униженный и оскорбленный дочерьми, он оставляет замок, где хозяйничают жестокая Гонерилья и лицемерная Регана. Сопровождаемый шутом (его интересно и на хорошем уровне сценической выразительности играет молодой одаренный артист Варанцев), охраняемый Кентом блуждает король Лир под проливным дождем в голой степи, когда неистовствуют молнии, ревет ветер, которые словно объединились, чтобы обрушить на голову Лира поток, нет — море нравственных мук. Безумие надвигается на Лира-Мордвинова. Трудно забыть его вопль: «Шут мой, я сойду с ума!». И Мордвинов с глубокой правдой и высокой эмоциональностью проходит все стадии помешательства, связанные с нравственными муками Лира, а не со старческой расслабленностью мозга. К концу спектакля, который насыщен очистительным страданием и муками Лира-Мордвинова, мы, зрители, переполняемся гневом и ненавистью уже не к Лиру, а к миру, полному дикой злобы, подлости, бесчувствия и лицемерия, коварства и бесчеловечной жестокости, жертвами которого стали король Лир, его мудрый шут, честный Эдгар, добрый Глостер и правдолюбивый Кент. Крик протеста Человека-Лира против мира зла и несправедливости, созданного королем Лиром, — вот то, что так своеобразно и выразительно несет с собой высокое мастерство Мордвинова в роли Лира.

Мне хотелось бы попутно отметить наличие хорошего ансамбля актеров в спектакле «Король Лир», где ярко и убедительно играют свои роли артисты Лавров (Шут), Михайлов (Глостер), Поповский (Эдгар).

Сценический темперамент Николая Мордвинова мы физически ощущали еще в исполнении им роли Отелло много лет тому назад, но сейчас этот темперамент значительного артиста стал глубже, мудрее, я бы сказал, направленнее. Это особенно видно в исполнении артистом роли Арбенина в социальной драме Лермонтова «Маскарад».

Мордвинов полностью несет «кипучую лаву» страстей Арбенина. Но не это — главная черта образа, созданного Мордвиновым в роли Арбенина. Глубокий ум, горечь разочарований, бешеная злость против маскарада, прикрывающего бездумие знати, едкий сарказм по отношению к себе, к игрокам-картежникам, к стареющим развратникам и сплетникам, к интриганам и полусбрастным льстецам, к вянущей пустоте, к распущенности под маской любви, ко всему тому, что еще до Лермонтова с огромной силой вскрыл Грибоедов в «Горе от ума» — все это выражено в острой игре актера, который вкладывает в Арбенина свою «душу живу» (по выражению В. Белинского).

Мастерство Мордвинова в роли Арбенина достигает больших высот. Прекрасная читка стиха, где с афористической точностью раскрыта глубина и завершенность мысли, юношеская пылкость взлетов и падений чувств, благородство и художественная мера в самых критических моментах роли (сумасшествие) производят большое впечатление на зрительный зал, который надолго запомнит прекрасную игру актера. Запомнит он также прекрасно сыгранные роли Шпиха (Лавров), Казарина (Плятт).

Неоднократно наблюдая Мордвинова на сцене и в кино, я всегда ощущал, как артист проводит свою большую гуманистическую тему — любви к правде, ненависти к несправедливости. Как хорошо, что Мордвинов нашел свою тему и что в этом помог ему его учитель и наставник Юрий Александрович Завадский, с которым Мордвинов прошел рука об руку весь свой творческий путь.

Я прочел очерк, написанный мною. Спрашиваю себя: не панегирик ли это? — Нет и нет! Это искреннее впечатление от внимательно просмотренных спектаклей. Конечно, и в игре такого большого мастера, как Мордвинов, можно обнаружить те или иные недостатки. Я их и сам замечаю. Но разве они определяют высокий уровень искусства Мордвинова?

На своем веку я видел многих трагических актеров, игравших Шекспира, Лермонтова, Гуцкова, Шиллера, Софокла, и с гордостью могу сказать, что в лице Николая Мордвинова мы имеем прекрасного современного русского трагического актера, доставляющего зрителям большое наслаждение своей умной и глубокой игрой на советской сцене.

Хочется пожелать бодрости, юности и новых смелых поисков, удачи большому советскому народному артисту Николаю Мордвинову.

Б. НОРД, народный артист УССР, профессор.